

Елена Чудинова

**Алхимия
благородства**

Елена Чудинова

Алхимия благородства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37665311

ISBN 9785449341303

Аннотация

Мы вступили в череду тяжелых годовщин. 2018 год – столетняя годовщина таких значимых событий Гражданской войны, как Ледяной поход. Еще год отделяет нас от столетия пути Северо-Западной армии к Петрограду. А общество по-прежнему разделено, событиям прошлого по-прежнему не дано четкой оценки. В сборник вошли посвященные теме Гражданской войны статьи последних лет, относящиеся как к давним фактам истории, так и сегодняшнему дню.

Содержание

От автора	5
I. Алхимия благородства	9
II. Когда русские погибали славно	37
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Алхимия благородства

Елена Чудинова

© Елена Чудинова, 2018

ISBN 978-5-4493-4130-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Мы вступили в столетие чудовищной смуты, последствия которой не избыты по сей день. А значит – надлежит соборно изучить и осмыслить причины русского нестроения и русской беды.

В этом сборнике соединены статьи последних лет, где я обращаюсь к теме октябрьского переворота и Гражданской войны. Это – мой скромный вклад в осмысление давних событий. Давних? Надо ясно понимать, что Гражданская война, хотя и отстоящая от нас уже на столетие, – не прошлое, а, по сей день, тревожное наше настоящее. Поэтому я призываю приглядеться и к тому, какие тени отбрасывает давняя беда в наш нынешний день. «Отбоя не было – борьба продолжается!» – это девиз основанной бароном П. Н. Врангелем организации РОВС (Русский Обще-Воинский Союз), который я взяла заголовком одной из частей данной книги. Борьба – продолжается? Но за что мы боремся сегодня? За завтрашний день России. Человек или народ, пребывающий вне прошлого, лишен и будущего.

Как говорил недавно почивший в Бозе король Румынии Михай I, «Мы не унаследовали нашу страну у наших родителей, мы взяли её в долг – у наших детей». Достоин ли мы, ныне находящиеся на подмостках Истории, отдадим свой долг? Да, если вместе со страной передадим новому поколе-

нию взвешенную и четкую нравственную оценку исторических событий.

Объективные критерии – существуют, если не бояться их использовать. На этих днях я выступала перед читателями. И услышала слова, которые, к сожалению, слышу довольно часто. «Вы говорите о Добре и Зле. Но ведь это только Ваша точка зрения, что Добро, а что Зло!» «Вы хотели бы, – ответила я – услышать, чтобы, говоря о разорении храмов и убийстве священников, я прибавляла „с моей точки зрения это предосудительно“? Не дождетесь. Это предосудительно по определению, и я не боюсь судить». Релятивизм разъедает сознание современного человека. Посетивший недавно Москву католический Епископ Бернар Фелле дал релятивизму исчерпывающую характеристику в своем выступлении на религиозной конференции: «Мы пытаемся добиться от этих людей простого, на наш взгляд, ответа: Черное или белое они видят? Они кричат нам в ответ – Серенькое! Серенькое!»

Избавимся от серости. Назовем белое – белым. Обелим Добровольческое движение, на дискредитацию которого семь десятков лет работала гигантская машина безбожной пропаганды. Правы те, кто защищал Крест над страной. Они же – и белы.

В этой книге тема Гражданской войны неразрывно связана с проблемами религиозного состояния нынешнего общества.

Поэтому – перебирая вехи событий столетней давности – я ищу в них прежде всего нравственных примеров, человеческих образцов Чести и Долга, воплощенных катехонов. Ищу – и нахожу: в А. В. Колчаке, Б. С. Коверде, Н. С. Гумилеве... А также и в простых, мало кому известных людях. Я предлагаю взглядеться в портреты. Взглядеться и понять природу Чести, Доблести, Добровольчества. Природу Благородства.

Но было бы странно, если бы, чтя русскую царскую идею Священного Союза, я, говоря о русской беде, обошла бы стороной иные страны, прежде всего – любимую Францию. Ведь она пострадала не в меньшей степени. А устрашающая одинаковость того, как раскручивался революционный маховик, лишний раз напоминает: христианский мир – система сообщающихся сосудов. Помню, в Париже на Книжной ярмарке, в беседе с французским историком, мы в очередной раз поражались тому, как банально повторяется Зло: ведь Сталин – список с Бонапарта. Но много ли знают ли об этом во Франции? Много ли знают об этом в России?

На этих страницах встретится немало статей о предшественниках наших белогвардейцах – шуанах. От них, собственно, и пошел белый цвет. «Белизна – угроза черноте» – как мы видим, современники понимали свою идейную связь с французскими роялистами, считали себя их последователями. «Молодость, доблесть, Вандея, Дон».

Я хочу также поделиться новым для меня жизненным

опытом: исторической реконструкцией. В годовщину страшных дат мне довелось – и еще, если Богу будет угодно, доведется – пройти по России дорогами той войны. В марте сего года я приняла участие в мемориальном Марше по случаю столетия Ледяного похода: от аула Шенджий до аула Натухай. Моей «летописи» в сборнике уделен отдельный раздел.

Отбоя не было.

Но дай Господь нашему поколению, уступая историческую арену молодым, услышать в душе долгожданное слово:

Отбой!

Елена Чудинова

III.IX.MMVIII

І. Алхимия благородства

Алхимия благородства

Есть сумма мифов детства, определяющих развитие личности.

Одним из главных мифов моего детства был Николай Степанович Гумилёв, мой любимый поэт, но образ его не исчерпывался для меня поэзией. Христолюбивый воин, преданный своему Государю (Сколь немодно было то и другое в среде, где он вращался в ранней молодости!), человек чести и отваги того особенного сорта, что побуждает к постоянному флирту со Смертью. Не просто дворянин, но эталон дворянина.

Николай Степанович Гумилёв не был дворянином.

Я узнала об этом только недавно, прочтя фундаментальное биографическое исследование С. Белякова «Гумилёв, сын Гумилёва». Сию ошибку я пронесла через всю имеющую к данному моменту состояться жизнь.

Я могла бы задуматься и попытаться что-то выяснить и ранее. Отчество, пусть не стопроцентно недворянское, но наводящее на предположения. Фамилия, указывающая на принадлежность к духовному сословию. Я могла задуматься, но мне не о чем было задумываться. Николай Степанович Гумилёв дворянином был, ибо создал у моего поколения

представление о том, каким должно быть дворянство.

Немного фактов, просто для справки.

Степан Яковлевич Гумилёв, сын сельского дьячка, выслужил личное дворянство на флоте. Женился на дворянской девушке, но сословие передается по отцу. Между тем прошение в Сенат о статусе потомственного дворянства старшего брата Николая Степановича, Дмитрия Степановича, написанное в 1912 году, было отклонено.

Есть такая разновидность дворян и дворянствующих, что начнут сейчас толковать о матери аристократического происхождения, объясняя ею не только психологический облик, но и «эти руки, эти пальцы». И, что, впрочем, характерно для публики этого сорта, оскорбят тем память морского волка и врача Степана Яковлевича. Как же наскучила эта тема пальцев... Люди не лошади и не собаки, попытка вывода определенного экстерьера всегда терпела провальную неудачу. Тонкая кость, как правило, свидетельствует лишь об азиатской примеси в крови, пресловутые пальцы – вопрос случая. Видели б эти люди надеваемые на ночь маленьким девочкам XIX века плотнейшие кожаные перчатки с крючьями внутри. Китайское бинтование ног перчатки эти, конечно, не превзошли, но где-то весьма близко. Мой отец, кстати, успел повидать в Китае глубоких старух, что ковыляли по улицам походкой, каковую поэты – пороть бы таких поэтов – называли «цветок на ветру». Напомню, что вывести породу китайки с детскими ногами отчего-то не удалось.

Их внушки бегают вполне резво. Надо получше читать знаменитую сессию ВАСХНИЛ.

Так в чём же суть дворянства, если не тешить себя положениями «я ничем особенным не славен, но имею фамильную форму затылка, и такой затылок у нас был ещё триста лет назад». (Про затылки – иронизировал Иван Бунин).

Кто дворянин? Гумилёв или пустое место с трёхсотлетним затылком? Каков смысл дворянства? Он огромен, даже в наши дни, когда принадлежность к сословию кажется незначительным обстоятельством в жизни тех, кто к нему действительно принадлежит.

Дворянское сословие в Российской Империи было живым, постоянно пополняющимся. Смысл его заключался в служении. По модели, энергичски воплощаемой Государем Петром Алексеевичем, дворянин высвобождался от заботы о насущном хлебе именно ради предоставления себя целиком иным заботам – интеллектуальным, созидательным, военным.

Но и «вольность дворянская» не тронула главного социального значения дворянина. Готовности умереть ради понятий, превышающих ценность жизни. Заметим – никто не мог требовать от крестьянина готовности умереть. От солдата из крестьян – да, но ведь солдат мог и выслужиться, от крестьянина в отличие. Вспомним трагический рассказ «Тупейный художник», где забритый крепостной возвращается за своей нареченной «благородием».

Здесь формальная (социальная) суть дворянства переходит в область высшей сути.

Доминик Веннёр даёт универсальную формулу благородства: отторжение от низменного.

Эта формулировка – краеугольный камень.

Отторжение от низменного – это в двух словах характеристика всей жизни Николая Гумилёва. Именно потому он и задал нам дворянскую модель поведения, и в минуты слабости и сомнения мы, юные, спрашивали себя: «А как поступил бы Николай Степанович?»

Я буду много говорить о юности, ибо в ней и в детстве закладывается, как всем известно, личностная основа.

В возрасте девятнадцати лет я была отчаянно влюблена. В Бориса Коверду, разумеется. Я не была оригинальна. Многие мои ровесницы влюблялись в Бориса Коверду. Коверда странно двоился в нашем восприятии. С одной он стороны был – наш одноклассник, тот, в Варшаве. В тщательно отутюженном бедном костюме, том, в котором ходил в гимназию. (Другого-то у него не было). В белоснежной манишке. В чёрной бабочке, со смущённой улыбкой, с чуть встрёпанными волосами. И мы мечтали – отчаянно поцеловаться с ним у вокзала, пообещать ждать хоть десять лет, хоть больше...

Но в то же время мы знали, что он живёт сейчас, там, вдалеке, что убелён сединами. И мечталось иное – увидеть его в этой – нашей настоящей – жизни. Войти к нему, а он,

конечно, будет сидеть в своём кабинете, в таком высоком большом кожаном кресле. И сесть на пол (мы любили сидеть на полу) около его кресла, и поцеловать усталую руку, в старческих «цветах смерти», руку, покаравшую убийцу царских детей.

Ну да. Нам одновременно хотелось – и во внучки, и в сверстницы.

Когда железный занавес упал, Коверда ещё жил на свете. Но как раз тогда я болела довольно тяжело, так что съездить за благословением на то, чтоб всегда быть «За Россию!», не представлялось возможным.

В моей жизни много прекрасных встреч. Но и невстреч – тоже немало. Об этой невстрече – жалею до сих пор.

А теперь попытаемся понять. Чудовищные картины красного террора (в том числе так называемое «ледяное крещение», сиречь зверское убийство, знакомого семьи священника Лебедева) были увидены глазами ребёнка (на год большевицкого переворота Борису – девять лет). К девятнадцати годам юноша мог забыть всё ужасное, оставленное в растерзанной России, забыть как кошмарный сон. Ведь это так естественно, не правда ли? Вокруг – готический уютный мир, вокруг обычная жизнь. Да, в ней есть трудности, в этой жизни – бедность, неуплата в гимназии... Но что такое эти трудности в сравнении с убийствами женщин и детей, с чудовищными пытками, которым чекисты учились у китайцев? Есть служба, есть жалованье, которого всяко хватает утром на го-

рячий прецель за столиком в маленькой булочной, есть крыша над головой, тебя никто не убьёт просто так, забавы ради, а всё остальное как-нибудь образуется. Ведь в жизни рано или поздно всё образовывается, если это жизнь, а не красный прижизненный ад, о котором лучше забыть.

Забыть – неверное слово. Не забыть, конечно. Помнить, гневаться, обсуждать с другими эмигрантами, не упуская дать понять хорошеньким паненкам, что ты – трагический персонаж, изгнанник. Покричать, поругать правительство, узнав, что гнусный царевубийца по-прежнему пребывает в стране, гневно бросить на пол газету с сообщением о его безнаказанных передвижениях. Напиться, наконец, если уж ты такой чувствительный. И жить себе дальше.

Коверда поступает иначе. Если кто не знает, казнь Войкова отнюдь не была «убийством безоружного из-за угла», как обозначил её тот, кому Судия уже Бог. Это был настоящий поединок, просто отстреливавшийся Войков отчаянно трусил, руки его тряслись. Впрочем, одна деталь. Я только что написала, что руки Войкова тряслись от страха. Кроме меня, эта мысль приходила в голову многим. Да, она напрашивается. Но на той руке, что выхватила маузер, в ту минуту сидело золотое кольцо с крупным рубином, содранное с мёртвой длани Государя. Кто как, а я вполне верю, что мог ожить тот рубин, мог повергнуть вора в бесконечный ужас, пустить ток ужаса по всем жилам, ударить в мозг. За себя убиенный Государь не мог заступиться – но перстень его мог

уберечь мальчика. Ведь ни одна, ни одна пуля Войкова не попала в Бориса, даже не зацепила...

Вот он, во всей полноте, контраст между высоким и низким. Мальчишка, уже сутки голодный, ибо добытые на поездку в Варшаву деньги кончились, аккуратный, благовоспитанный, чистый мальчишка – и мародёр, открыто носящий вещь своей жертвы, блудник, растратчик, отменно откушавший перед выходом на перрон с не менее мерзким Маяковским.

Можно ли придумать ярче противостояние между благородством и плебейством, плебейством самым низким?

Коверда готов пожертвовать своей юной жизнью, своим будущим. (Во время суда – Советы изо всех сил жали на Польшу – был момент, когда все клонилось к смертному приговору).

«За Россию!» – говорит он на вокзале, поднимая револьвер. «Я отомстил за Россию, за миллионы людей», повторит он в полиции, добровольно сдавшись властям.

Честь и справедливость – ценности выше жизни, выше свободы. Коверда демонстрирует образцовую дворянскую поведенческую модель. Борис Коверда, сын сельского учителя, внук крестьянина.

Дворянское сословие необходимо потому, что в нём идею приоритета высших ценностей закладывают с рождения, в ней воспитывают. Но границы явления не идеально совпадают с настоящей жизнью, в нашем-то несовершенном мире.

Там, как и указывает Веннёр, «фонство» не спасает от подлости, тут изысканнейшим, рафинированным, отточенным благородством блещут дети крестьян.

Да, контур дворянского сословия не вполне совпадает с его сутью, но без него общество обречено на деградацию. Самородки благородства превращаются в непонятных чудачков, в психическом здоровье которых позволительно сомневаться – если нет круга, в который они вписываются как норма.

Что мы и наблюдаем в современном социуме. В последние полтора года, когда Россия вошла в период грозового напряжения, мы обнаружили вдруг, что благородства в нас, в нашем семьдесят и ещё двадцать лет попираемом народе, много больше, нежели смели надеяться самые большие оптимисты. Но нет цементирующего все эти проявления активного сословия, ничто не сводит их воедино.

Зато существует антидворянство, антиэлита, нынешние сильные мира сего. Их характеристика – изменность. Единственное исчерпывающее слово. Посмотрите на всех этих светских львиц, оне же медийные персонажи. Некогда бытовала шутка «эта девушка не ругается матом, она на нём разговаривает». Теперь это уже не шутка, а жестокая реальность наших дней. Они все на нём разговаривают, вся эта творческая интеллигенция, всё чиновничество – от мельчайшего крючка до олимпийца. Мат это не просто грязная речь. Грязнотый окружён облаком призванной им мелкой бесовни,

а бесы – изменны. Не случайно ещё прошлым летом – ах, это прошлое лето! – в ополчении был введен запрет на обценную лексику.

Всё вспоминается мне некая особа, вещавшая снисходительно, что она-де «пишет о войне», поэтому не вставляйте никто поперек правды жизни. Ещё тогда я скромно упомянула, что граф Лев Николаевич Толстой тоже написал «о войне» довольно большую и весьма известную книгу, обойдясь одним единственным бранным словом, да и то слово, меркою сей современной «баталистки», вполне невинное. Почему мне запомнилась эта женщина с её вполне неизвестными романами? Потому, что таких в творческой среде – большинство.

Но изменное общество не жизнеспособно. От нежизнеспособной «элиты» зараза деструкции проникает повсеместно. В голове современного интеллектуала, который бы удивился, сопричти его к боженам, потихоньку метастазирует изменность. Недавно мне попало несколько «исследований» о биографии того же Коверды. Отставим в сторону то, что, по прошествии лет и отнюдь не с допуском к уникальным документам, «новое слово» сказать непросто. Но все эти работёнки отстаивали одно: нет, не герой, пешка в чужих руках, несамостоятельная фигура. (Один «исследователь» снисходительно называет Коверду «хлопцем». Какой он тебе «хлопец», ты, плебей? О тебе-то самом кто вспомнит через восемьдесят лет?) Хорошо ещё, что не додума-

лись до того, что «вместо него стрелял снайпер». Впрочем, всё впереди у этих великих умов. Что же нудит их доказывать, будто Коверда – никто и ничто? Всего лишь подспудное знание того, что сами – никогда, ни за что не рискнули бы жизнью просто так, ради высшей справедливости. Современный «интеллектуал» не верит в героев. И тем более не верит в одиночек. Между тем вся европейская культура – предельно индивидуалистична.

Мы наблюдаем ежедневное умаление самого понятия величия.

Не в меньшей мере, чем своим определением, Веннёр доказывает благородство своим отчаянным актом самоубийства. Актом чудовищным, кощунственным, страшным, но ни в коей мере не низменным.

Ошибка Веннера, как я уже писала, свелась к исповеданию лишь культурного аспекта христианства. Но мы должны расширить это до обобщения. Без Господа Христа Европа мертва, вне Христа невозможно существование европейских элит.

В иных мирах, в иных пределах также существовали «лучшие». Но никакая иная элита, кроме христианской, не переживает себя самое, не делает сынов Авраамовых из подвернувшихся камней. В Риме, в языческом Риме, было сословие всадников. Особый перстень, привилегии, то и сё. Кого, кроме историков и любителей, оно сейчас интересует, это сословие? Рыцарство же, давно уже не совпадающее само с собой,

пребудет вечно. Как бы низко ни падал рыцарь – ему было, откуда упасть. Ночь, проведенная в пустой тёмной церкви перед посвящением, ночь бдения и молитвы... Модель рыцаря распространяется много дальше рамок рыцарскогословия. Кто из нас не вертел в руках понятий «рыцарственно – не рыцарственно», кто не примерял мысленно высокого обета?

Очень многие уже – не примеряли. Смех убивает на своём пути всё высокое, но кто сказал, что смех – естественное состояние человека? Естественное состояние христианина – не смех, а радость. Почувствуйте разницу.

Сама по себе полезная вещь – интернет, является, в то же время, инструментом низменности, в просторечьи называемом «троллинг». Всё труднее и труднее говорить о высоких чувствах, всесмехливый интернет этого не позволяет. Наиболее защищён в интернете тот, кто, готовый сам высмеять всё чужое, сам не демонстрирует ничего своего. Нищий человек, не сознающий своей нищеты.

Но плебейство ведёт в ад.

Добро, строго говоря, всегда оказывается в менее выигрышном положении, нежели Зло, аристократизм – в менее выигрышном положении, нежели плебейство. Но не в том ли смысл позорной казни, принятой за нас Спасителем?

Они насквозь пропитаны плебейством, все наши низменные оппоненты. Плебейство же ведёт в ад.

Сколько раз доводилось слышать: зачем надо гордиться

белыми, если выиграли красные? Кто силён, тот и прав, логика неизменности. Между тем, маленький сербский народ веками подаёт нам пример благородства, обучая гордиться не победой, но гибелью за правду: Косовым полем.

Так начнём же разговор о благородстве. И в память Доминика Веннёра, и в понимание того, что благородство – самоубийственное, непрактичное благородство – является единственной действенной защитой от разрушительных социальных процессов. Определим его смыслы. Не дадим его присвоить.

Благородство – единственный щит честного (честь!) христианина: от герцога до крестьянина.

Ибо плебейство ведёт в ад.

Право свободнорожденных

Перечитываю один из немногих документов, уцелевших после того, как родовое гнездо трижды обшарили чекисты. Позволю себе воспроизвести текст целиком, он невелик.

«Гражданское управление (на правах губернского правления) на территории Китайской Восточной Железной Дороги. Административное отделение. Марта, 7 дня, 1907 года, N 514, Харбин, Манчжурия. (Штамп типографский).

Удостоверение.

Гражданским управлением разрешено представителю сего Константину Гавриловичу Чудинову иметь у себя на квар-

тире револьвер, что подписью и приложением казенной печати удостоверяется. Удостоверение действительно по 1 января 1908 года.

Помощник управляющего дорогой по гражданской части генерал-лейтенант в отставке (подпись неразборчива).

Начальник отделения (подпись неразборчива).

(Печать)».

Полагаю, что с 1 января 1908 года действие удостоверения было преспокойно продлено. Полагаю не без оснований: я знаю дальнейшую судьбу этого револьвера. При первом из упомянутых выше обысков его сумел вынести под одеждой из дому один из четверых сыновей. Ребёнок уже превосходно понимал, что наличие револьвера в доме равнозначно немедленному расстрелу отца. (От расстрела, впрочем, всё равно ничто не спасло, но всё же несколькими годами позже). Мальчик незаметно бросил револьвер в колодец – решение самое быстрое и верное.

Как оно символично. Свободная страна разрешает людям иметь оружие, несвободная – за обладание им убивает. Мы же, сегодняшние, относительно личной свободы застряли на полпути.

А Константин Гаврилович был свободным человеком – подданным Российской Империи.

Заметим, в стране, которая так называлась, люди отнюдь не бегали по улицам, паля друг в дружку. Даже в катастрофе 1917 года (в обеих, точнее сказать, катастрофах этого года)

фактор права гражданского населения на обладание оружием не сыграл решительно никакой роли.

Можно возразить: не почитает ли автор этих строк самыми свободными некоторые своеобразные страны, к примеру из тех, что называются обыкновенно «южнее Сахары»? Ведь там с калашниковыми носятся даже семилетние. Ответ, строго говоря, и заключается в приведенном выше документе. В цивилизованной стране на оружие положено иметь разрешение. И разрешение такое не должно быть выдано лицу психически неустойчивому, судимому и т. п. Владелец же оружия несёт ответственность за то, чтобы к помянутым категориям лиц его револьвер никак не попал. Только добропорядочный и полноправный гражданин может быть вооружён.

Вот тут просто слышу гневное: так ведь у нас (это «у нас» выделяется на самый зловещий манер) у нас-то как раз первыми получают разрешения не добропорядочные граждане, но самые сомнительные, у таких в местах выдачи подобных разрешений тут же окажется «всё схвачено». Ответу: вопрос права на обладание оружием и вопрос современного состояния правоохранительных органов – это решительно не сопряжённые друг с другом вопросы. Отдельно с ними и надлежит разбираться.

И уж заодно: если вновь перечесть приведенный выше маленький документ, выплывает одна любопытная деталь. Возможность на законных основаниях иметь огнестрельное ору-

жие зависела не от писаришки, коего, быть может, и можно соблазнить отрезом на женино платье, о нет, от особы весьма сановной.

Другое дело, что ещё на рубеже веков вообще не требовалось выправлять удостоверения. Римское право ведь, как известно, рассматривает владение оружием такой же неотъемлемой прерогативой свободного человека, как, к примеру, владение землей. По нему государство отнюдь не дарует это право, человек просто рождается с ним. (Свободный, понятное дело, человек, этим и отличный от раба). Отошла ли наша Империя от Римского права в начале XX века? Нет. Она не взяла на себя полномочий даровать право на оружие, она просто упорядочила положение вещей. Ведь, если разобраться, скорбный рассудком либо террорист (пусть отсидевший своё) полноценно свободным человеком быть не должен.

Так что государственная регистрация личного оружия базового принципа человеческой свободы отнюдь не умалила, напротив, дала ему новую жизнь в свете усложнения жизни общества. Да и оружие, само оружие, того требовало. Инструменты смерти весьма усовершенствовались с тех времён, когда «роковые стволы Лепажа» пылились у предков по всем углам кабинетов и курительных комнат. А уж у римлян, одаривших нас своим правом, оружие было вообще исключительно холодное.

Многие уже говорили: сейчас мы пребываем в рабском статусе. Что же, повторю и я, ведь проблема владения оружи-

ем набирает остроту при нынешнем ухудшении криминальной обстановки в городах.

Мы, конечно, можем все дружно увлечься охотой. Но охотничье ружье не очень удобно носить с собою, да и не положено. Его надлежит между выездами на охоту хранить дома, в специальном сейфе.

Но разрешатся ли наши проблемы, если мы станем ходить по улицам вооружёнными до зубов? Нет, не разрешатся. Всё ж таки и государство кое на что подписывалось в рассуждении обережения нас от криминала. Однако при status quo наблюдается некоторый неприятный перекося. Неблагонадежные граждане (как и неграждане) имеют противозаконные каналы для приобретения оружия, между тем как граждане добропорядочные лишены официальной возможности его покупать. 1:0 не в нашу пользу.

В известной среде, правда, модно убивать тех, кто не приглянулся с лица либо не показался довольно почтительным, из травматика. Но на то есть две причины. Во-первых, травматика, она действительно убивает. Особенно если умеючи. Но, главное, во-вторых, убийство, совершённое с помощью травматического оружия, недешёвый адвокат играючи выставит случайностью, отсутствием злого умысла, сущей ерундою. При нападении же с настоящим огнестрельным оружием свобода его маневра несколько ограничится. Но то, что для убийств часто употребляют травматик, ничуть не свидетельствует, что преступники не запаслись дав-

ным-давно оружием огнестрельным. На этот счет мы нимало не должны обольщаться.

Вопрос об оружии поднимают и будут поднимать дальше: он слишком важен.

Что же касается револьвера, помянутого в исходящей бумаге N 514 за 1907 год, так это был наган. Я всю жизнь о нём вспоминаю. И мне очень хочется в один прекрасный день спокойно зайти в магазин и купить себе такой же. Насколько мне известно, их ещё делают.

Походить на Пальма

В городе Браунау стоит памятник работы скульптора Конрада Кнолля. Хороший памятник. Человек, одетый и причёсанный по моде, изобличающей, что XIX век ещё не вполне вступил в свои права, запечатлён в очень естественной позе, безо всякой напыщенности. Левой рукою он опирается о какой-то выступ, правую трогательно прижимает к сердцу. Скульптору удалось передать исполненное одухотворённой решимости выражение его лица.

На постаменте начертано: Йоганн-Филипп Пальм.

Это имя ничего нам не говорит?

Тем хуже для нас.

Зайдя нынешней осенью на один из регулярно просматриваемых мною порталов, я заметила скромную рамочку, вписанную в текст одной из статей. В рамочке этой, слегка похо-

жей на траурную, редакция просила читателей «не подставлять себя и нас», быть поаккуратнее в комментариях. Как раз для нынешней статьи я захотела текст этого объявления скопировать, но не успела. Вместо него висело уже другое. Комментарии «по техническим причинам» отключены. Что же, всё понятно.

Копий на сию тему поломано немало, так что постараюсь не повторять уже сказанного. Совсем кратко: за комментарии теперь кто-то должен отвечать. Либо редакция, либо сами комментаторы.

Кажется, сердце успокоилось вот на этом: «Наш подход в том, что её (ответственность, ЕЧ) несёт автор, который это опубликовал, то есть, если это опубликовано не по поручению редакции СМИ, не в рамках его должностных обязанностей. И суть наших поправок заключается том, чтобы дать правоохранительным органам инструментарий находить и наказывать реальных авторов», – так, во всяком случае, заявляет депутат-законотворец И. Пономарёв.

Следующий логичный шаг – требование, чтобы редакция (ну не хочет же она, в самом деле, неприятностей на свою голову) по первому требованию предоставляла IP-адреса разгулявшихся блоггеров.

Ах, как же мне хотелось когда-то давно, чтобы редакторы были обязаны удалять из блогов матерщину. Не выношу этой мерзости, органически не выношу. Но ведь «матерщина и похабщина» (последнее, кстати, труднее определить, кри-

терий-то «похабщины» у каждого свой), как мы все понимаем, никого на самом деле не заботят. И никому адреса матерщинников и тем паче похабников не понадобятся.

Предпринято это всё против «экстремистов» и «ксенофобов». О первом термине можно сказать одно: он до чрезвычайности не конкретен. Дугин со товарищи, к примеру, призывают ритуально бросать заживо в доменные печи Примакова с Горбачёвым, а ещё шарашить ядерными бомбами по «землям ереси» – и ничего, не экстремизм ни в одном глазу. А скажешь всего-навсего, убеждён, мол, будто твой народ лучше других – глядишь, натуральный экстремизм и дело заведено. Так что причудливо тут всё, причудливо.

Но значительно хуже всё обстоит с «ксенофобией». Тут уже имеет быть терминологическая фиксация односторонности. Ксенофобия, если перевести с греческого, означает – боязнь пришлых. А, коль скоро мы на своей земле не пришлые, возбуждать дела по «ксенофобии» возможно лишь против нас.

И да, ещё немного о «разжигании». Тот, кто берет травмику и идёт убивать, в интернете обычно не «разжигает». Он просто убивает и пытается скрыться, либо, если не удалось, оказать через «своих» давление на следствие и суд. А «разжигают» те, кто выражает негодование по поводу этих убийств, по поводу попустительства властей. То есть, опять-таки, мы.

Всё те же властные метания – как бы создать видимость

всеобщего довольства? Как бы так всё забетонировать, чтоб вышло гладко?

Мне скажут – комментарии под статьями, в конце концов, не статьи. Мне предложат почитать эти самые комментарии, в частности то, что пишут в них обо мне самой. Так за кого я сейчас радею? За амбициозных ничтожеств, не имеющих элементарных понятий о приличии, действительно ошалевших от того, что можно безнаказанно изливать свою скверну? Да, в блогах пасётся немало таких вот недочеловечков. Их больше, чем нормальных людей. Но мы уже определились выше, что как раз их никто и ни за что привлекать не станет. Кому они нужны.

Ну, и кроме того: законотворческое причёсывание и вспрыскивание духами блогов – это только начало наступления на интернет.

А к чему я, собственно говоря, повела речь о неведомом нам Йоганне-Филиппе Пальме?

Давно это было – в годы оккупации германских земель войсками некоего лица корсиканской национальности по имени Наполеоне Буонапарте. Один человек (имя его так и осталось в истории неизвестным) написал брошюру «Германия в своём уничтожении», где приводил всяческие неприятные факты, в частности, о поведении оккупантов в Баварии. Ну и принёс свой труд издателю. А вот издателя этого звали Йоганн-Филипп Пальм. Пальм брошюру издал.

Анонимная брошюра наделала шума – и вскоре оказалась

в руках у бонапартистов. А вслед за этим Пальм был арестован. Арестовать, собственно, хотели не его, а автора. Вот только издатель отказался его назвать.

Разъяренный Буонапарте от злости катался по земле, изрыгая проклятия. (Я не преувеличиваю, такое обыкновение за ним водилось...) Ну как же ведь так – какой-то Пальм стоит на дороге у великого «императора», желающего немедля поквитаться с негодяем, отрицающим, что принёс он в эти земли закон и права человека. Пальма уламывали: мил человек, дело-то серьёзное! Ну зачем самому на рожон лезть? Открой только имя окаянного писаки, и ворочайся домой, к семье! Ну не имя, так хотя бы IP, ну что тебе стоит?!

Пальм был непоколебим.

Ну а дальше случилось одно из тех мерзких преступлений, каждое из которых не делается менее мерзко оттого, что почти вся биография Буонапарте только из них и состоит. Гражданина вольного города Нюрнберга, штатского человека Пальма судили чрезвычайным военным судом. Судили? Нет! Даже этот незаконный суд был липовым. «Император» заранее отдал приказ расправиться с издателем.

Пальм был «приговорён» к расстрелу и убит в 24 часа. До последнего мгновения он имел возможность спасти свою жизнь, произнеся единственное слово: чужое имя. Не имя свата, не имя брата, просто имя человека, доверившегося его издательской совести. Он этого не сделал.

Произошло сие злодеяние, просиял сей подвиг во славу

профессиональной чести 25 августа 1806 года.

А мы, читая о поступках исполинов, воспринимаем это чем-то вроде статей из мифологического словаря. Красиво, конечно, но не бывает ведь в жизни, чтобы кто-то совлекал с неба солнце и запрягал в свою тележку...

Но ведь нас пока никто не просит умирать за анонимность читателей. Хотя пишем мы прежде всего для них, а не только друг для дружки, как нам порою кажется.

Следовало бы, конечно, раньше об этом написать. Несколько раз собиралась, но всё не могла понять: что-то очень важное за этим стоит, но что? Тень Пальма, вот что. Наконец вспомнилось. И всё встало на свои места.

Как бы было славно, выступи все вменяемые интернет-издания единым фронтом: против печально нашумевших законотворческих новинок. Пойди такой почин – вот бы вышло достойное дело. Ведь бороться с наступлением на свободу слова надо начинать именно сейчас, пока под удар попали блоги, дальше будет сложнее.

Редакция – любая нормальная редакция, на мой, во всяком случае, взгляд – должна удалять со своих форумов подзаборную лексику, бредни откровенно сумасшедших граждан и т. д. Но делать это надлежит исходя из редакционной политики, а не под чью-то диктовку: чтоб за сутки «то-то и то-то» исчезло!

Скверно, что тут скажешь. Ещё лет пять назад мне казалось, что небольшая цензура в информационном простран-

стве могла бы оказаться полезной. Всё-таки очень уж оно грязное. Но сегодня, когда мыслепреступление и словопреступление совершенно очевидно кажутся кое-кому нежелательнее беспричинных убийств из травматики или кулаками профессиональных самбистов, нежелательнее изнасилований и грабежей, уже слишком очевидно: интернет, во всей его порой гадостности, это наше всё.

Может попробуем, всем-то миром, отбиться? Отыграть назад блоги? В честь Йоганна-Филиппа Пальма.

О женах благочестивых

В 1741 году российская корона увенчала женщину, которая сразу начала – и полтора десятка лет, преодолевая барьеры сопротивление «не готового» к такой перемене общества, – вела борьбу за бурно дебатированное нами сегодня явление – мораторий на смертную казнь. И установила его.

Это был мораторий, не отмена. Государыня Елисавет Петровна покуда стоит с нами на одном уровне гуманности. Правда, 9 ноября (в день, когда Конституционный суд рассмотрит запрос Верховного суда о применении смертной казни с января 2010 года) мы рискуем в сравнении с её уровнем изрядно упасть. Спустя два с половиною столетия.

Диву даёшься, сколь мало мы ценим порой величайшие в отечественной истории достижения. Князь Михаил Щербатов изволил в своё время заметить, что кнут был-де хуже

четвертования. Интересно, спрашивал ли князюшка мнения приговорённых к четвертованию? Кнут – страшная вещь, но умирали от него только некоторые. Большая часть наказуемых выживала. И даже не оставалась калеками. А главное – отнюдь не Елисавет Петровна кнут изобрела.

Зато пытки при допросах (обычная для того времени практика) отменила лично она.

Щербатовскую трактовку деяния императрицы бездумно повторяют до сих пор: со страха за свою жизнь, готовясь выступить против узурпаторши Анны Леопольдовны, Елизавета дала обет, что никогда никого не казнит смертью в случае успеха. Не столько, дескать, добрая, сколько трусливая. Недопонимание, равное прямой лжи.

По зароку видно того, кто зарекается. Человек, способный в роковую для себя минуту осознать ценность **чужой** жизни, – велик душой. Но едва ли в одном зароке дело. Можно пообещать, допустим, большое пожертвование: выплатил и забыл. А мораторий был не разовым жестом – он был старательно проводимой внутренней политикой. Первый указ – в мае 1744 года. Недовольство на местах. Повторные указы, разбирательства. Новый указ сената в 1754-м. Трения с кодификационной комиссией, пытавшейся, вопреки воле императрицы, всё же протащить смертную казнь в новое законодательство.

Императрица умерла, не увидев полной отмены смертной казни, о которой радела. Но ни один её подданный не был

казнён. Благочестивая женщина – она считала человеческую жизнь Божьим даром, на который не вправе покушаться государство.

Чтобы понять величие её деяния, необходимо помнить, в какое время оно было совершено. При Анне Иоанновне ещё жгли на кострах по обвинению в «волшебстве». За год до воцарения Елизаветы мужеубийц закапывали заживо, а воров вешали за ребро. При этом мы отнюдь не были образцом дикости, так, зверствовали на вполне средневропейский лад.

И вот, едва успев вернуться в Европу, молодая империя даёт этой самой Европе пример человеколюбия. А дочь смягчает жестокость нравов отцовских времён.

Наблюдая сегодняшние волнения вокруг моратория, как-то особенно остро осознаешь, что цивилизованность заключается отнюдь не в умении пользоваться компьютером.

Вице-спикер Госдумы Любовь Слиска 9 ноября, оказывается, пойдёт *«в храм ставить свечку за то, чтобы в нашей стране была восстановлена смертная казнь»*.

Вот так. Женское благочестие в XXI веке иной раз выглядит довольно странно в сравнении с женским же благочестием века XVIII. Каждый волен по своему вкусу считать это прогрессом или же деградацией.

Любители смертной казни всегда строят свою аргументацию определённым манером. *«Маньяки и убийцы детей должны нести заслуженное наказание»*. Очень хотелось бы

увидеть среди противников смертной казни хоть одного, кто желал бы, чтобы маньяки и убийцы детей заслуженного наказания избежали. Но это же вздор и подтасовка. На самом деле решительно все хотят заслуженного наказания маньякам и убийцам. Разнятся только представления о том, каким должно быть наказание. А это уже совершенно другая плоскость спора.

Другой аргумент, также весьма расхожий, повторён вновь: *«педофил будет сидеть в тюрьме, а мы, граждане, будем отчислять налоги и содержать его до конца дней»*. Госпожа Слиска пригрозила лучше «порвать и сжечь» свои деньги. Как всегда – дымовая завеса эмоций, скрывающая подтасовку понятий. Мы платим не за «содержание педофила», а за осуществление правопорядка. Если каждый будет рвать и жечь деньги в случае, когда ему не нравятся существующие правовые нормы, матерью порядка станет анархия.

И опять же *«статистика по тяжким преступлениям резко пошла в гору»*. Снова жестокость наказания перепутана с его неотвратимостью. Не угодно ли посмотреть заодно статистику по раскрываемости преступлений? Существенно ли, как покарают преступника, если он всё равно не пойман?

Ну и конечно – *«если бы смертная казнь действовала, каждый перед совершением преступления тысячу раз подумал бы»*. Ох, отчего же не думают тысячу раз в Соединенных Штатах? Криминогенная обстановка в США хуже, чем в Евросоюзе.

Где реальные доказательства связи между увеличением числа тяжких преступлений и мораторием? Не логичнее ли, например, объяснить сию статистику безответственной миграционной политикой последнего десятилетия? Недостаточной заботой государства о детях из неблагополучных семей? Прочими серьёзными социальными проблемами?

Заметим, что если сторонники смертной казни начинали с позиции «смерть за смерть», то сейчас в кандидаты уже вписаны упомянутые выше педофилы – существа, конечно, беспредельно отвратительные, но не убийцы. И насильник не лучше убийцы. А разве не убийца – в каком-то смысле – выдающийся расхититель? Разве не заслуживает «высшей меры» вообще любой вор – чтоб уж разом искоренить воровство? Давайте уж заодно и прелюбодеев казнить – и настанет у нас высокая нравственность.

Общество снова, в очередной раз, путает жестокость власти с её силой. Между тем, как отмечал блестящий историк В. Б. Кобрин, специалист по эпохе Иоанна IV, жестокость как раз является признаком слабости власти.

Без жестокого антинародного террора колосс сталинской империи не простоял бы и дня. Просталинские тенденции, которые мы сейчас наблюдаем повсеместно, и популярность идеи возврата смертной казни – явления одного ряда.

Люди снова видят в жестокости панацею от всех нестроений сегодняшнего дня. Это скверный, очень скверный признак.

Мораторий конечен. Пора фиксировать действительную отмену. Пора сделать шаг, являющий хоть небольшой прогресс в сравнении с серединой осмнадцатого столетия.

Будем надеяться, что Конституционный суд не поддастся соблазну принять популистское решение. Даже если госпожа Слиска основательно натрудит себе колени, молясь об узаконенном убийстве пред ликом Того, Кто заповедал «Не убий».

II. Когда русские погибали славно

Когда русские погибали славно

В подарок племяннице я привезла стреляные гильзы. Ну надо же, а я ведь была даже младше, чем она нынешняя, когда увлеклась Северо-Западной армией, когда пыталась хоть что-то узнать о походе Юденича на Петроград, когда смутно еще осознала, что именно этот фронт был решающим на театре военных действий.

Поэтому путь в Санкт-Петербург – Ополье – Ямбург в минувшие выходные отчасти явился для меня плаваньем против течения реки времен. Сначала в собственную юность, в самые «белогвардейские» мои годы. Кто бы тогда мне рассказал, какие события я увижу своими глазами, – не поверила бы.

Событие же, о котором я говорю, кому-то может и не показаться значительным.

В селе Ополье, в ограде Кресто-Воздвиженского храма установлен и освящен каменный памятник воинам северо-западникам, погибшим под Ямбургом в 1919 году. Могилы их во время оно сравнивали с землёй – на весь XX век. И совсем недавно Ямбургское братство во имя Св. Архистратига Михаила – военно-историческая организация – сумело восстановить некоторые имена. Нижние чины Талабского,

Семёновского и Островского полков – прапорщик Палехов, фельдфебель Егоров, рядовые Балондин, Дунаев, Евстафиев, Короленко, Макаров, Мартимьянов, Матвеев, Семёнов, Тюнн и Федоров. Ивану Тюнну было 25 лет, Адриану Мартимьянову – 24, фельдфебелю Ивану Егорову – 33. Точный возраст остальных не установлен.

Скромный памятник, очень скромный, но – первый каменный памятник христолюбивым воинам СЗА. «Мы уйдём, а камень останется навсегда», – сказал военный историк С. Г. Зирин. Говорил и о том, что память сражавшихся против чужеродного и чудовищного эксперимента над страной до сих пор остаётся оболганной. Клевета прилипчива. Увековеченье памяти воинов северозападников до сих пор с огромным трудом преодолевает бюрократическое сопротивление на местах. И тем не менее за первым каменным памятником на Северо-Западе встанут другие.

Но прежде речей была панихида – дыхание превращалось в пар в холодных стенах сельского храма, мрели золотые огоньки свечек, склонялись знамена. Была лития перед камнем, моросило, дул восточный ветер, было возложение цветов, отгремел салют из трёхлинеек. Как это, однако ж, странно – впервые в жизни не на картинках увидеть мундиры СЗА... Когда же отец Иоанн – с белоснежной бородой и весёлыми молодыми глазами – пригласил всех собравшихся на обед, меня охватило непередаваемое ощущение того, что называется изрядно обрусевшим термином дежавю.

Осень, просторный дом священника под старыми вёслами, доброе тепло, идущее от невысокой печи с лежанкой, тесно сдвинутые скамьи и столы. Люди в форме СЗА (Не более дюжины, на самом деле, но мне показалось, что все присутствующие мужчины облачены в эту форму; в каком-то смысле так оно и было) – в тесноте, да не в обиде за этими столами. А на столах – мясные щи, сваренные на всех в большом котле. Это простое блюдо и придало какую-то завершающую убедительность происходящему со мной. Конечно, домашние соленья и пирожки – тоже развитие темы, хотя вместо водки и коньяка должны бы стоять спирт и самогон, а вместо сервелата – сало, но тон, тон задали щи. Горячие щи в холодный день – насколько веселее будет потом на рысях под колючим дождиком идти... куда, на Петроград, конечно! На Петроград, за терновым венцом, что был пророчески избран эмблемой СЗА. Словно они, те, кто собрал нас здесь – Палехов, Егоров, Балондин, Мартимьянов, Тюнн – сидят среди нас за столами, живые, молодые, хоть и осталось им жизни – считанные дни – ещё продолжают свой поход, греются щами и поднимают чару за победу. Едва ли больше, чем на минуту, мне удалось переступить из собственной юности еще дальше – в 1919 год. Но какой достоверной, какой настоящей была эта минута.

Мысли же о том, что явилось самым важным во всем произошедшем, выявлялись бессонной ночью под стук колёс – на обратном пути. Странно, право же, странно было осо-

знать, что этим важнейшим явилось то, что чувствовались не победители, а побеждённые. Способность воспринять величие поражения по сути означает – продолжить проигранный бой. Гордость вчерашним поражением – залог завтрашней победы. Это всегда понимали сербы, гордящиеся Косовым Полем. «Это было в дни красивые давние Когда сербы погибали славно. В Косове потеряли главу, Но сербства отстояли славу».

Гордиться победой легко. Побед у нас, русских, было так много, что мы не научились отдавать должное своим поражениям. Надо учиться у сербов. Гордость поражением – более благородна, поскольку главная победа – это победа нравственная. И конечная историческая победа – сколько б ещё не пришлось ждать – в конечном счёте, принадлежит тому мировоззрению,

«где на чашах весов

Между доблестной смертью и жизнью —

Смерть всегда перевесит

На несколько граммов свинца»,

как поёт Кирилл Ривель.

Он тоже приехал на воздвижение памятника: артистически седовласый, в морской робе, напоминающей о плаванье на УПС «Седов». Приехал из Питера полубольным. Что же, это понятно: день такой, что с больничной койки соскочишь, а приедешь. Это ведь только кажется, что самый важный сейчас вопрос – сколько наших денег угробило бездарное фи-

нансовое руководство, и, соответственно, сильно ли затронет страну нашу общий кризис. Есть вещи и поважнее. Право же, есть.

Способность народа выживать в невзгодах зависит от силы его исторической памяти. От постижения им исторической истины. До последнего, впрочем, ещё куда как далеко. В завтрашнем дне я вновь услышу хулу на тех, кому мне сейчас довелось поклониться, услышу не единожды, и не дважды. Ничего, не привыкать. Лишь бы воздвигались памятники. Примерно так думалось мне под стук колес. В боковом кармане дорожной сумки позвякивали гильзы, предназначенные в подарок племяннице. Я собрала их после салюта в мокрой осенней траве.

Поклон схимников

Во Франции, где я встречу очередную годовщину расстрела царственных мучеников, этому дню предшествует чёрный праздник Французской революции: день взятия Бастилии, которую никто особо не охранял, и в которой никто не томился (кроме, разве что, развратного маркиза де Сада). Сколь удручающе прямо параллель со штурмом Зимнего, относительно которого ложь словесную «каждой лестницы каждый выступ брали, перешагивая через юнкеров», нам подтверждали ложью зрительной: подсовывали кадры чёрно-белого фильма будто кадры кинохроники. Нет, напрямую

их кинохроникой никто не называл, оно как-то само вышло: «и вот, в этот день...» – и качающиеся под напором толпы ажурные ворота. Праздник победы лжи над истиной. Праздник наш и праздник французский. Чей лучше? И там и там – убиение Божьего помазанника с семьёю.

Но мы прошли дальше французов на пути к истине. Своих царственных мучеников мы прославили, а 7 ноября не является больше государственным праздником. Но и 17 июля ещё не стал днём государственной скорби. А имена царубийц по-прежнему пачкают наши станции метрополитена и улицы.

Прошли дальше французов, но остановились на полпути. Что же – нет государственного дня скорби, но есть свой у каждого, и потому – общий для всех нас. Всегда переживаемый по-новому.

За день до отъезда я сняла с полки непрочитанную ещё книгу о личности убиенного Государя в воспоминаниях современников. Знала, что прочесть не успею, но открыла хотя бы проглядеть. И сразу же наткнулась на неизвестный мне прежде рассказ графа Д.С.Шереметева, глубоко затронувший какие-то струны в душе.

...Незадолго до начала Первой Мировой августейшая семья каталась на автомобиле, осматривая окрестности Севастополя. Доехав до Георгиевского монастыря, решили зайти поклониться местным святыням.

Посещение не было оговорено заранее, поэтому в обители

поднялся в первые минуты изрядный переполох. Но почти сразу монахи решили отслужить для неожиданных паломников молебен.

Однако, во время молебна среди братии, что стояла ближе к дверям, начался какой-то странный шум. Монахи взволнованно переговаривались меж собой, выходили наружу, возвращались... Вот уже келейник что-то с живостью зашептал на ухо игумену, вот уже игумен сам не на шутку разволновался.

В конце концов Государь спросил ближнего к нему монаха, что происходит.

«Здесь, в утесах, живут два схимника, – отвечал тот. – Мы не видим их годами, а о том, что они ещё живы, знаем только потому, что с условленного места исчезает выставленная для них скудная еда».

«И что же?»

«Ваше Величество, взгляните!»

Государь вышел наружу. По высокой лестнице неспешно поднимались два седобородых старца в схимнических одеяниях.

Молебен длился, но взволнованные перешёптывания сменились благоговейной тишиной. Долго поднимались к храму две озарённые ярким таврическим солнцем чёрные фигуры.

Поравнявшись с Императором, схимники остановились. И поклонились ему в ноги.

А затем воротились в свои расселины.

Никто не мог понять – откуда схимники могли узнать о приезде Государя? Отчего почтили его глубоким поклоном?

А ведь всё уже было, по сути, ясно. Общество так явно, так безумно и бездумно предавало помазанника Божия. Общество вступало на дорогу, ведущую к Ипатьевскому особняку.

Горько сознавать, что оно не свернуло с этой дороги до сих пор. Сколько встречаем мы в ежедневной нашей жизни людей, искренне считающих себя православными, но хулящих царственных мучеников, «не признающих» прославления? Нервы наши не выдерживают, мы начинаем горячиться, мы гневаемся – вместо того, чтобы учиться любить у тех, кто умер за всех нас – в равной мере за слепых и за зрячих.

Об исторической вине стран Балтии перед Россией

Мы, русские, конечно, не злопамятны. Хорошая черта, возразить нечего. Незлопамятностью своей мы показываем миру, что душа нашего народа остаётся христианкой, даже если сам народ погряз в атеизме или языческих суевериях. Однако весьма важно видеть черту, за которой незлопамятность переходит в иное свое качество – в беспамятство. А это уже – никакая не добродетель.

Маленькая, но гордая Латвия решила выкатить нам счёт за «оккупацию», раз эдак в пятьдесят превышающий её собственный годовой бюджет. Как бы это было анекдотично,

имей мы хоть чуточку больше исторической памяти. В наших СМИ неоднократно поднималась тема зверств этих самых фашистских ветеранов, что разгуливают сейчас в наградах Третьего Рейха там, где за ношение наград победителей фашизма стариков избивают и тащат в полицейские участки. Много говорилось и о двойных стандартах, о том, как, громкогласно отшлёпав юного принца Уильяма за маскарадное появление со свастикой на рукаве, Евросоюз закрывает глаза на отнюдь не маскарадные, с участием официальных представителей власти, шествия нацистских катов. Уместно, что это все озвучивается. Но горько, что вовсе не звучит фактов, имевших быть всего-то на пару десятилетий раньше – в историческом отношении срок ничтожный.

Эстонская журналистка задала Путину вопрос: отчего-де вы, русские, не повинитесь за оккупацию, чтобы нам, значит, жить дальше дружно? Президент отослал «прекрасно говорящую по-русски» особу к документам пятнадцатилетней давности, мы же попробуем ответить на него иначе. Сколь ни странно сие звучит для эстонцев, у них были, подумать только! свои собственные коммунисты, да ещё такие отмороженные, что без нашей Северо-Западной Армии эстонцам не оборонить бы в январе 1919 года Ревель от Эстляндской Трудовой коммуны. Но то было в январе.

Покуда в Эстонии буянили в рассуждении чего-нибудь поэкспроприировать свои доморощенные экспроприаторы, отношения между СЗА, что базировалась на эстонской терри-

тории, и эстонцами были вполне терпимыми. Не братскими, что понятно. Эстония хотела от СЗА не только военного сотрудничества, но и гарантий независимости, но с какой стати военное командование могло счесть себя уполномоченным раздавать земли из-под короны? Наше дело боевое, красных вышибем, пусть эстонцы с легитимным правительством свои вопросы и решают. Ах, северо-западники, знать бы! Сопротивляйтесь бы, наобещать бы! Сколько жизней было бы спасено!

Но вы были не эстонцами, вы были русские офицеры, люди чести. Не смогли бы обмануть, даже зная все наперед. Эстонцы выжидали возможности ударить ножом в спину до осени 1919 года, до чуть-чуть не удавшегося наступления СЗА на Петроград. Отступление, как подмечают историки, отнюдь не было катастрофой. Армии нужно было всего лишь отдохнуть, перегруппировать силы, да заодно вывести в безопасные места около 40 000 гражданских беженцев – говоря не казенным языком – своих жён, детей, сестёр, престарелых родителей, всех, кому непосредственно грозил красный террор. Армия отступала с тяжелыми боями, неся потери, но и ослабляя красных. И тут вдруг северо-западникам начинают перекрывать доступ к собственным тылам и складам – переход через реку Нарову. Не надо вам сейчас переправляться, обороняйте от красных Нарву! Да хоть беженцев-то примите, мы уж обороним! Примем, примем – только сперва красных отбросьте подальше! Беженцы спят на снегу, дети и больные умирают от холода, в лагере, который и лаге-

рем-то трудно назвать, начинается эпидемия тифа. Седьмая армия красных по приказу Троцкого трижды атакует Нарву, и трижды её отбрасывают от города северо-западники.

Они не знают, что эстонцы, за спинами своих защитников, готовят преступный сговор с красными. Этот несмываемый позор Эстонии войдет в советские учебники как «Гартуский мирный договор между РСФСР и Эстонией» начала 1920 г. Чем больше крови прольют русские за Нарву, тем выгоднее будет для эстонцев предательство. Сговор начинается 5 декабря, последняя безуспешная попытка красных форсировать Нарову происходит 17 декабря. После этого Чичерин дает из Москвы команду советским делегатам идти на территориальные уступки Эстонии. Изрядный кусок Псковщины и Принаровья – с 60 000 русского населения в привесок, как продают крепостных, эти-то земли свободолюбивые эстонцы в недавних 90-х гг. пытались обратно выцыганить у России, с ними, как с эстонскими, они в 90-х же гг. уже печатали школьные карты. Красные нападать перестали, но, конечно, никуда не делись. Куда было податься белым защитникам Эстонии? Через Нарову.

А на другом берегу их ничего не ждало – их имущество, 1 000 вагонов с провизией, одеждой, медикаментами, боеприпасами, личными вещами – все экспроприровано вчерашним союзником – генералом Лайдонером в пользу новорожденной Эстонской республики. За Наровой северо-западников обезоруживали, отбирали у них хорошие шинели,

срывали с груди золотые нательные кресты. А что им было, сопротивляться? При них были заложники – женщины и дети. Как указывает К. Виноградов, по свидетельству чудом уцелевшего офицера Кузьмина, Талабский полк, проявивший особый героизм при обороне Нарвы, попал в реку под пулемётный огонь с двух берегов – в спину стреляли красные, в лицо – эстонцы.

Стыдно им не было. Им и сейчас не стыдно. «Но большевики же уступили нам территории и дали независимость, – возражали они мне в не очень давних спорах. – Мы – маленький народ, мы должны были искать выгоды для себя». Прекрасно, дорогие мои маленькие друзья, говорила я тогда и говорю вновь. Вы успешно применили принцип зоны: сдохни ты сегодня, а я – завтра. Переходя на образность детских сказок, раз уж вы такие маленькие, вы сказали людоеду – съешь не меня, а его! Но, маленькие мои друзья, вы не учли одного обстоятельства. С людоедом нельзя договориться надолго. Вы подкормили коммунизм. Он подрос. Через двадцать лет он захотел скушать и вас, а подставить взамен было уже некого.

Так **кому** перед вами извиняться?! **Кто** вас оккупировал?! **Вы сами себя оккупировали** за двадцать лет до оккупации, когда сдирали с нас, ваших защитников, сапоги и обручальные кольца! Вы сами себя оккупировали, когда педантично выполняли все пункты преступного сговора с большевиками. От СЗА ничего не должно было остаться –

ничего и не осталось. Ведь кроме земель вам ещё кое-что дали – 15 миллионов золотом.

Вы можете объяснить, за что? За русскую кровь.

Обезоруженные, ограбленные северо-западники не имели права передвижения по республике, закрепощались на принудительные работы в сланцевых копях, стонялись в концентрационные лагеря, такие, как Пяэскюла. Принимать русских офицеров на работу запрещалось. В Эстонии не давали прокормиться, но и покинуть её не давали тоже. Тотальное уничтожение, чистая отработка иудиных серебряников. Убийство русского офицера не всегда каралось даже штрафом. Само собою, все это делалось с оглядкой, всегдашней оглядкой на очередного «большого брата»: некоторым маленьким нациям позарез необходимо, чтобы кто-нибудь сильный прикрывал их подлости. Позже это был Гитлер, тогда – АНТАНТА, в первую голову – Великобритания.

Эстонцы, если б вы соблюли союзнические договоренности, конечно, вам никто не преподнес бы независимости. Но зато через двадцать лет вы и в Сибирь бы не покатали в вагонах для скота. Глядишь, лет через пятьдесят, вы бы и независимость выцыганили – каким-нибудь цивилизованным референдумом. А главное – порядочный человек может договариваться о чем бы то ни было только с легитимной властью. Вам некого винить.

А вот мы должны в конце концов обвинить вас – за Петроград, который, скорей всего, был бы взят, если бы Эсто-

ния выполнила союзнические обязательства, за гибель СЗА, за повернувший не туда ход войны, за советскую власть, наконец. Советская власть, возразят мне, установилась не только благодаря нашему поражению на Северо-Западном фронте. Правильно. Вот тут-то и пора вспомнить о Латвии.

С момента Октябрьского переворота латышские стрелки приняли сторону большевиков. В январе 1918 года в Белоруссии генерал И.Р.Довбор-Мусницкий поднял вверенные ему Временным правительством части (1-й Польский корпус легионеров) против узурпаторов. На подавление брошены латышские стрелки под командованием И. Лацетиса и красные матросы. Вспомним и восстание генерала А. М. Каледина в конце 1917 года. Ростов-на-Дону брали латышские стрелки. Как указывает А. Жуков, по взятии города латышцами были расстреляны даже все добровольцы-подростки из гимназистов и семинаристов – с четырнадцати лет! По определению опять же А. Жукова, «именно латыши явились основной силой» осенью 1919 года при разгроме войск генерала А.И.Деникина. Замечу, что при этой операции особенно отличился некий комиссар Карл Дозит, «из семьи батрака». Это клише «из семьи батрака» – почти непременно сопровождает на страницах советской энциклопедии по Гражданской войне любое латышское имя. Небезынтересный нюанс, к которому мы еще вернемся. Латыши штурмовали Перекоп и, уже в качестве «расстрельных отрядов», зверствовали в Крыму. Летом 1918 года латышские стрелки

участвовали в подавлении бунтов крестьян против реквизиций хлеба в Саратовской губернии, в Псковской, в Новгородской губерниях. Даём ли мы себе сегодня труд понимать, что значили эти «хлебные бунты»? Полная свобода выбора – умирать с семьёй от голода или от латышской пули. Каждое такое подавление мятежа – десятки тысяч убиенных.

Всякая антинародная власть опирается в первую очередь не на собственных граждан, а на иноземных наймитов, о чём говорит даже состав опричнины Ивана Грозного. «Братоубийственность» нашей Гражданской войны изрядно преувеличена. Долго даже перечислять, но едва ль было бы преувеличением сказать, что без латышских стрелков не было бы победы коммунизма на всех фронтах той войны. 40 тысяч их было, по всему театру военных действий. Первым командующим Красной армии был И. Вацетис. Особая страница истории – участие латышей в большевистских карательных органах. В ВЧК борьбою с «контрреволюцией» занимался И. Лацис (Ян Судрабс), позже председательствующий в Военном трибунале. Латыш, «из семьи батрака». В Чеке на 1919 год $\frac{3}{4}$ были латыши! Думается, из оставшейся четверти треть придется на евреев, из тех, что хотели преодолеть карьерные преграды вроде черты оседлости в один присест – хотя бы и людоедскими методами.

Так что ж, я утверждаю, что в чекистах времен революции не было русских? Почему же не было, как раз треть из четверти и выходит. Любопытен, кстати, профессиональ-

ный состав русских чекистов. Среди них почти не было квалифицированных рабочих, того пролетариата, что являлся в этом самом пролетариате белой костью. Только чернорабочие, но и этих единицы. Большинство были – половые, извозчики, гостиничные лакеи и т. д. и т. п. Те, что привык кланяться, сжавши в ладони медяки чаевых. Это наблюдение нам ещё пригодится.

Я. Петерс, зампред ВЧК, возглавлял в 1921 году в Ташкенте процесс против светила нашей медицинской науки – В.Ф.Войно-Ясенецкого (архиепископа Луки). («Что же это Вы, Войно-Ясенецкий, днем в больнице людей режете, а по вечерам псалмы распеваете?» – «Я людей режу из человеколюбия, а вот вы – ИЗ ЧЕГО?») Да разве их всех тут перечислишь, всех этих Берзеней (три штуки и все в командах-комиссарах), Лудри, Лонгва, Ленцманисов («из семьи батрака»)! Впрочем, едва ли все мы знаем, откуда они, собственно, взялись, эти латышские стрелки, не саранчой же с неба за наши грехи? Отнюдь. Что самое курьезное, возникновению латышских национальных частей в Первую Мировую мы обязаны ненависти латышей... к немцам. Остзейские немцы, конечно, были не самой мягкой частью землевладельцев. Однако же народ, получивший, по меткому выражению А. Коха, письменность «на пятьдесят лет раньше чукчей», да и то из чужих рук, естественно должен был подчиняться какой-либо цивилизованной нации. Все средневековые архитектурные памятники Латвии, равно как и Эсто-

нии, возведены немцами. Поэтому в 1915 году латыши охотно шли воевать против немцев в особые национальные свои формирования, чтоб сразу посчитаться за все – и за онемеченные фамилии школьников и за сами школы! Но дальше, как нам известно, «империалистическая война переросла в гражданскую», к пламенному одобрению Второго съезда делегатов латышских стрелковых полков. Однако ж установить свои революционные порядки на родине не удалось – из Латвии стрелков повышибли опять же германцы. Ну и зачем с ними, с хорошо вооруженными, сражаться, когда можно установить советскую власть в России – ведь в ней коммунисты армию развалили, подвижники-добровольцы ещё только подтягиваются на Дон. Вот уж потом, наведя револьверный порядок в России, можно и немцев выгнать из Латвии – навалившись всем-то интернациональным кагалом. Примерно так и было сделано. И стали латыши жить свободно, без хозяев. Целых двадцать лет жили, не тужили, и вдруг подлые коммунисты их, обросших жирком и реквизированным скарбом, вдруг берут да оккупируют! Ну как тут в самом деле не возмутиться? Закономерно и совершенно понятно, отчего германоненавистники первой половины XX столетия – эстонцы и латыши – кинулись в батальоны СС.

Для раба всегда плох и ненавистен тот хозяин, который есть **сейчас**. Хозяин, который может только стать таковым, да ещё сулит какие-то пряники, да ещё даёт возможность поквитаться с хозяином прежним – хорош. Едва ли они в са-

мом деле верили, что немцы дадут им какую-то независимость – но роль надсмотрщиков над русскими уже была безмерно соблазнительна. Пусть русских, белорусов, евреев, цыган десятками тысяч жгут в крематориях, пусть обескровливают детей – сдохни ты сегодня, а я даже завтра не сдохну! Я – остдойч, я – получеловек! Эстонцы и латыши практически никогда не имели своей государственности, они всегда были под кем-то. Эти нации не имели своего дворянства. Жестокость и подлость, проявляемая ими всякий раз, когда они затевают очередную «независимость», убеждает нас, как ни странно, в том, что единственный правильный взгляд на мир – церковный.

Страну, имеющую историю христианской государственности, Ватикан, к примеру, (мы говорим о дореформенной Церкви, конечно), обычно полагал страной с **законной властью**, страну же без таковой истории – страной с **фактической властью**. Это была не несправедливость, но инстинкт цивилизационного самосохранения, ныне нам стремительно отказывающийся. С церковной христианской точки зрения такие страны, как Эстония и Латвия – абсолютно нелегитимны. Казалось бы, ну какой смысл вообще об этом сейчас думать, во времена, когда дворянство вытеснено тельцекратической демэлитой? Врёте, есть он, смысл. Нация, не имеющая **в прошлом** своём аристократии, это нечто вроде человека, перемахнувшего во взрослый возраст сразу из детского, минуя отрочество. Какие-то связи у него в мозгу сложи-

лись неправильно.

Эстонец и латыш в жизни, конечно, может быть человеком порядочным и справедливым, но исторической совести он слишком часто лишён. Ему этого не дано. У него атрофирован орган исторического стыда. «Мы маленькая нация», значит – нам можно всё. Мы измеряем всё мерилом нашей пользы. Нужды нет говорить, сколь это аморально.

Но отчего мы молчим сами?

Большинство фактов, о которых я упомянула в этой статье, более чем доступны. Они публиковались в периодике, выходили книгами, висят в интернете. Но отчего, когда начнешь спрашивать, большинство собеседников делает бараньи глаза, будто я им рассказываю об истории каких-нибудь далёких зулусов? Почему этого нет в новых наших учебниках? Почему о гибели СЗА не снимают фильмов?

Нам что, не стыдно перед нашими предками, погибавшими в Принаровье? Сознание вчерашнего – генетического – «батрака» воспринимает уступку, как слабость. За обнаглевшими «батраками» стоят, как в 1919 году, не слишком к нам доброжелательные сильные государства. Проявление политической воли – не только вопрос исторической памяти, но и вопрос нашего выживания. Неужели мы не хотим выжить

Возвращение в Ямбург

С историком Владимиром Чичерюкиным-Мейнгардтом

мы познакомились уже на Николаевском вокзале. Место встречи, надо признаться, выбрали в свете предстоящей поездки ну самое неподходящее: под мраморной головой Ульянова. Что поделаться, найти друг друга в толпе так, и впрямь, проще всего.

Эстонский поезд отходит от перрона. Сразу понятно, что спутник мой – бывалый путешественник: при нём оказывается металлическая фляжка с коньяком и металлические же стаканчики в кожаном футляре. Временами выходим покурить в промозглый тамбур. Что же – коньяк, сигареты и общение, очевидно, станут в ближайшие двое суток моей главной пищей. Как в студенческие годы. Приятно иной раз позабыть, что давно уже не куришь и повзрослел... В прошлый раз, два года назад, именно так и было.

Неужели минуло два года? Да.

Фляжки достаёт как раз на девять часов дороги... И вот уже, высадив нас в заснеженную ночь, поезд мчит к границе с Эстонией. А по безлюдной платформе бежит навстречу знакомая фигура. Последний рядовой Северо-Западной армии Сергей Зирин, он же вице-председатель Воинского братства во имя Св. Архистратига Божия Михаила.

«Добро пожаловать, дорогие странники!» – раскрывает объятия Сергей.

Расстояния в Ямбурге измеряются пешим ходом. И в десяти минутах ходу нас уже ждёт заботливо приготовленный – ужин? завтрак? Каким словом назвать трапезу в пятом часу

пополуночи?

В квартире Сергея всё требовательнее называют телефоны, сообщая о гостях, прибывших из Санкт-Петербурга, из Пскова, из Эстонии... На дворе ещё ночь, но Первая Ямбургская историческая конференция по СЗА уже, можно считать, началась.

Каких трудов, каких душевных сил и треволнений им стоило её организовать, этим людям, что добровольно приняли на себя крест прожить кроме своей жизни чужую, страшную и короткую. Северо-западников в изгнании было меньше всех: их выжило всего ничего.

Девять десятков лет назад завершились военные действия на территории между Петроградом и Нарвой. К этому и приурочило конференцию Историческое общество Ямбурга-Кингисеппа.

Конференц-зал центральной городской библиотеки набит битком. Начинается молебен... Бог нам в помощь потрудиться!

Перед докладами – [просмотр и обсуждение документального фильма](#) Алексея Олиферука «Красным по белому. К истории одного похода», вышедшего вскоре после фильма Андрея Кирисенко «Юденич».

Что же, это уже тенденция.

Доклада с новыми данными о Талабском полку я жду с особым интересом. Полк благородных рыбаей, полк с историей, необычной даже по тем богатым на всё необычное

временам... Доклад делает питерский исследователь Валерий Кругликов.

Известно, что я обычно занимаю жёсткую позицию по поводу роли эстонцев в неудаче похода: сговор с большевиками, чудовищные последствия этого сговора, о которых тяжело лишний раз и рассказывать... Но что бы там ни было – а доклад Андреса Вальме «Деятельность „Эстонского военного мемориала“ по благоустройству военных захоронений» изрядно меня впечатляет. Справедливость требует признать: в сегодняшнем дне в Эстонии есть люди, которым важна судьба русских могил. И уж совсем горько, но приходится сказать и об этом: многие из присутствующих историков соглашались с г-ном Вальме в том, что могилы северо-западников и русского духовенства в Эстонии окружены на сей день большей заботой, чем в России. Это тяжело и стыдно.

В названии доклада Сергея Зирина прозвучала давно привычная для всех, кто погружён в тему Белого движения, французская параллель: «Мальчики новой Вандеи: прапорщик по адмиралтейству Николай Меркулов». Исследователи, изучающие психологию человека на войне, отмечают наступление необъяснимого момента, когда инстинкт самосохранения вдруг отключается, уступая место некоей высшей сущности. Но иногда кто-то должен эту высшую сущность «включить» в людях, робеющих преодолеть естество. И сделать это можно только одним путём – подать пример. Именно так и поступил шестнадцатилетний Николай Меркулов.

По ходу боя необходимо было занять мост, но красные превосходно укрепились на нём. Абсолютно открытое, насквозь простреливаемое пространство. Мост в иной мир, шагнуть на него – подписать себе смертный приговор. Чаша весов отчётливо наклонилась во вражескую сторону. И Николай Меркулов выбежал на мост один. Сколько-то времени все в оцепенении смотрели, как такая ещё мальчишеская фигурка бежит навстречу остервенелому огню, затем за Меркуловым выскочил кто-то взрослый (имя не установлено), они бежали вдвоём, а потом положение мгновенно переломилось – и людская масса хлынула следом. Красных разметали в считанные минуты. Потери были, как же без потерь? Но, что самое интересное, Николай Меркулов, который был в первые мгновения хуже, чем мишень в тире, который, строго говоря, не имел никаких шансов выжить, не получил ни единой царапины.

Война – особое измерение, расположенное между жизнью и смертью. На ней случается много непостижимого нашему уму. Воевавшие это знают.

А Николай Меркулов был смертельно ранен через несколько недель. Последние слова его засвидетельствованы: «Помоги вам Господь разбить большевиков!»

Доклады длятся почти до ночи. А за ночь зима полностью вступает в свои права. На кладбище в Ивангороде, куда мы приезжаем на поклон к братской могиле воинов северо-западников – сугробы уже по колено. Горят свечи, служится

лития. На покрытый триколором памятник возложены цветы. Реконструкторы в серых шинелях дают ружейный салют.

Крепче, чем этот могильный гранит,

Ставший героев уделом,

Родина пусть навсегда сохранит

Память о подвиге белом.

Эти слова начертаны на мемориальной доске, недавно установленной рядом с памятником.

А Сергею Зирину напоследок приходится поволноваться всерьёз. Уже в Ямбурге он вдруг обнаруживает, что, хлопотавшись, забыл, видимо на кладбище, свою фуражку. Свою – и не совсем: настоящую боевую фуражку полковника А. С. Гершельмана. Срочно звонит в Ивангород. Кладбище уже закрыто. Храмовый староста обещает пойти за фуражкой пораньше с утра.

На вокзале Сергей мужественно шутит и чокается с нами, но я вижу, что мысли его не покидают на самом деле Ивангорода: действительно ли фуражка на кладбище и не случится ли с ней до утра чего?

О том, что доблестная вещь благополучно воротилась к нынешнему своему владельцу, я узнаю уже по электронке.

«Фуражка пролежала на могилке северо-западников весь вечер и всю ночь! – пишет он. – В этом также мистический символизм».

Ну да, вещи иной раз поступают по-своему. Всё хорошо, что хорошо кончается. Какая хорошая поездка!

Гдов под сенью собора

Писательская судьба моя тесно связана с Северо-Западом России, направлением героического наступления армии генерала Н. Н. Юденича на Петроград и ее отступлением, этой дорогой русской скорби. Странно ли, что множество дружб связывают меня с военными историками, исследователями этих мест.

Совместная наша поездка в Гдов с Сергеем Геннадьевичем Зириным из Ямбурга и Антоном Сергеевичем Громыным из Баварии затевалась еще зимой, когда мы надеялись, что летом там будет восстановлен памятник Государю Александру II. Увы, в деле восстановления исторической памяти проволочки неизбежны. Открытие памятника было перенесено на осень. Однако мы решили не менять планов – пожить несколько дней на Чудском озере, посетить 30 июля городской праздник. Но, собираясь в дорогу, я даже представить себе не могла, какую фантастическую страницу русской истории – современной и древней, мне предстоит прочесть.

Современная история началась в 1983 году, когда служить в Покровской церкви в Кярово под Гдовом (чудом уцелевший родовой храм графов Коновницких) был прислан молодой священник Михаил Женочин. С фотографий тех лет на нас смотрит настоящий древнерусский витязь – высокий, широкоплечий, златокудрый и русобородый, очень краси-

вый. Его, питерца, не слишком смутила жизнь в крохотном деревенском домике, походы за водой к колодцу. (Позже, когда стали появляться на свет дети, отец Михаил собственноручно провел водопровод). Гдовщина, красотой своей природы, величием древней своей истории сразу пленила его.

В самом Гдове, где стояли до революции шесть храмов, не было о ту пору ни одного. Великолепный памятник XVI века, Димитриевский собор, был взорван во время отступления гитлеровцами-эстонцами. Собор стоял некогда над городом, на территории древней крепости. После войны его развалины сровняли с землей, сколотили на его месте эстраду. Местная молодежь ходила туда на танцульки.

На дворе стояла советская власть, а молодой священник уже задался целью дерзновенной, немислимой, невозможной, совершенно безумной по доводам здравого смысла: восстановлением собора. Даже не строительством нового собора на месте старого – нет, полным восстановлением, совпадением каждого камня, каждой линии.

За духовным напутствием перед тем, как приступить к делу, о. Михаил направился на Талабские острова, к старцу Николаю Гурьянову. Протоиерей сердечно принял гостей, поставил самовар. Непостижимым образом он уже знал, что речь пойдет о соборе. Старец достал пожелтевший конверт, в котором оказалась тысяча рублей, вероятно – все его сбережения, вручил отцу Михаилу. А затем вдруг высыпал в его чашку всю сахарницу. «Неужто мне так горько придется, от-

че?» – спросил отец Михаил. Старец печально промолчал.

И началось хождение по мукам – обивание порогов советских инстанций. Молва приписала отцу Михаилу наличие миллиона рублей, вероятно потому, что он многократно упоминал эту цифру как необходимую для строительства. Отец Михаил не подтверждал слухов, но и не оспаривал, зная, что с одной тысячей в кармане (около 1000 долларов по курсу того времени) с ним просто никто не захочет разговаривать.

Верующие объединялись вокруг священника, собирались подписи, составлялись обращения... Бюрократическая стена пробивалась с невероятным трудом.

Особенно тяжелую баталию пришлось выдержать в 1989-м году в Псковском Управлении культуры. К этому моменту были проведены уже археологические раскопки, экспертизы, проектные работы, был заложен новый фундамент. И тут от чиновников приходит запрет на продолжение работ. Дебаты шли самые ожесточенные. Перед голосованием взял слово о. Михаил. «Мне все равно, какое решение вы сейчас примете, поддержать верующих или запретить, – начал он. – Только знайте, что храм в гдовской крепости непременно будет. Даже если вы примените к строителям слезоточивый газ и брандс-бойты. Вы будете разгонять, а мы будем строить».

Решение было принято в пользу верующих – с преимуществом в один голос.

С первых дней труда по восстановлению собора о. Михаилу деятельно помогали представители академической на-

уки и культуры. Бился над получением разрешений на археологические раскопки профессор Анатолий Николаевич Кирпичников. Проект разрабатывала Ирэн (в святом крещении Ирина) Александровна Хаустова, архитектор реставратор высшей категории.

Помогало на раскопках полгорода. Страшную находку довелось сделать школьнице Елене, впоследствии – духовной дочери о. Михаила. Сантиметр за сантиметром расширялся ров вокруг древнего фундамента. Неожиданно на девочку посыпалась из земляной стены груда костей, человеческих костей. Скелеты оказались сваленными в беспорядке, черепа хранили следы пулевых отверстий. Это были жертвы массовых расстрелов НКВД. Горожане благоговейно перезахоронили их останки под поднимающимся собором.

На раскопки фундамента профессор Кирпичников направил молодого археолога Льва Николаевича Большакова. Постепенно, день ото дня, по мере продвижения работ у молодого ученого возникло и утвердилось намеренье принять сан. Ныне отец Лев служит в Кондопоге.

Настоящим рабочим штабом сделался краеведческий музей города Гдова.

Не меньшей, чем противодействие чиновников, проблемой было отсутствие денег. Собор восстанавливался на пожертвования верующих, за период строительства почти ничего не было получено от властей. Сколько раз казалось – сейчас все остановится! Денег нет! Но деньги откуда-то при-

ходили.

Самый, пожалуй, трогательный эпизод, касающийся сбора пожертвований. Пожилая прихожанка пригласила о. Михаила в гости, дав понять, что речь идет о важном деле. Когда священник пришел, старая женщина достала из какого-то тайничка под половицею тяжелый предмет, бережно завернутый в ветошь. «Это слиток золота, батюшка! Моя мать получила его от своей. Все берегли на черный день. Но теперь я хочу пожертвовать его на строительство нашего храма». Она развернула тряпицу и протянула священнику свой дар. Отец Михаил сердечно поблагодарил прихожанку, бережно принял слиток. С первого взгляда ему стало ясным, что это не золото, как несколько поколений полагали простодушные владельцы, а обыкновенная латунь. Про себя священник подумал, что Господь, вероятно, вменит ей это приношение в золото самой высокой пробы. (Этот слиток хранится ныне в краеведческом музее).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.